

О. Г. УСЕНКО (Тверь)

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ДЕЛАМ О ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИИ XVII–XVIII ВВ.

Предметом рассмотрения являются доносы (изветы) о государственных преступлениях, показания свидетелей и показания обвиняемых (последние два вида источников могли облекаться в форму «расспросных», «допросных» и/или «пыточных речей»).

Необходимость разработки новых методологических оснований для изучения этих источников обусловлена тем, что в отечественной историографии распространён излишне упрощённый подход к выявлению и осмыслению (интерпретации) содержащейся в них информации. Далекое не всегда учитывается, что их создателями являлись, как правило, чиновники (лишь иногда подследственные фиксировали свои показания собственноручно). Кроме того, многие историки страдают излишней «доверчивостью» к нередко встречающимся ложным показаниям.

Так, по мнению М. М. Богословского, хотя оговоры нельзя считать достоверными источниками, тем не менее часть имеющихся в них сведений надо рассматривать как вероятные. Подследственные могли не говорить тех слов, которые приписываются им в извете, но они могли так думать, – полагает исследователь. По его словам, «оговоры отражают образ мыслей и настроение той среды, из которой они выходили», ибо в противном случае власть имущие им бы не верили¹.

Сходным образом рассуждает и П. В. Лукин – его интересует не столько то, говорил ли обвиняемый на самом деле те или иные речи, сколько сама возможность их произнесения: «То, какие именно высказывания могли быть сделаны с точки зрения людей XVII в., уже достаточно свидетельствует об их представлениях». При этом историк полагает, что в следственных материалах «действительные взгляды простых людей» не искажались и под юридические шаблоны не подгонялись².

Между тем тщательное изучение судебных-следственных дел XVII в. показало: «Почти все записи... не протокольные в нашем понимании, а довольно подробная и относительно точная только по смыслу передача ответов допрошенных... Подьячие излагали ответы допрашиваемых в нормах

¹ Богословский М. М. Пётр I: Материалы для биографии. М., 1946. Т. 3. С. 177–178, 192.

² Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 14–15.

приказного языка. Показательно, что в этих свитках преобладает передача показаний косвенной речью... Но и прямая речь лишь в очень редких случаях может быть сочтена за точную запись, тем более, что никаких отступлений от выученной орфографии и грамматики дьяки при этой записи не допускали»³.

И в XVIII в. обвиняемые чаще всего давали показания, «сидя перед следователями, которые, несомненно, участвовали в составлении ответов, "выправляли" их. Часто ответы писали со слов ответчика и канцеляристы»⁴.

На мой взгляд, любая интерпретация должна проводиться при соблюдении целого ряда принципов и в окружении дополнительных познавательных операций. Другими словами, она корректна только в том случае, если является составной частью методологии, специально разработанной для изучения определённого корпуса источников.

По моему мнению, нет и не может быть универсальной исторической методологии – такой, которая в неизменном виде использовалась бы при изучении разнородных источников и для решения разных исследовательских задач.

Во-первых, любая методология диалектически связана с предметом исследования. Вот что пишет, например, Г. Косиков: «Методология (цели и принципы исследования) выделяет и формирует предмет данной науки; в этом смысле можно сказать, что методология "создаёт" свой предмет. В свою очередь, выделение предмета ведёт к формированию и осознанию учёным задач и способов изучения предстоящего ему объекта, т. е. исследовательской методологии. Иными словами, методология познания и его предмет взаимно предполагают и взаимно формируют друг друга»⁵.

Во-вторых, каждая методология создаётся и применяется в совершенно конкретной исследовательской ситуации, за рамками которой она теряет свою эффективность.

Под исследовательской ситуацией понимается дискурсивное образование, основными элементами которого являются: 1) намерения историка (цели и задачи работы, статус исследования, предполагаемый состав аудитории), 2) нормы научного сообщества, 3) массовые умонастроения, 4) господствующая идеология и политическая обстановка.

Однако всё это не исключает возможности того, что в содержании различных методологий будет нечто одинаковое или сходное. Кроме того, можно утверждать, что все методологии имеют однотипную структуру.

Основные компоненты исторической методологии вообще – это исследовательский подход и методика.

Исследовательский подход составляют: 1) исходные положения (базовые схемы, постулаты и принципы исследования), 2) соответствующая терминология.

Методика – это набор познавательных приёмов (методов), применяемых посредством взаимосвязанных операций и процедур, т. е. в определённой последовательности и по заранее оговорённым правилам.

Я полагаю, что изучение материалов о государственных преступлениях в России XVII–XVIII вв. наиболее эффективно в том случае, если оно проводится в две стадии: сначала на микроуровне – в рамках отдельно взятых следственных дел, а потом на макроуровне – в ходе обработки всей извлечённой из множества дел информации.

Важнейшим постулатом в ходе всего исследования должно быть понимание того, что *текст источника есть отражение не только объективной реальности, но и внутреннего мира его автора (авторов)*, причём отражение как собственно сознания, так и подсознания, как сугубо индивидуальных, неповторимых, так и массовидных психических феноменов⁶.

³ Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 30.

⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 335.

⁵ Косиков Г. Французская «новая критика» и предмет литературоведения // Теории, школы, концепции (критические анализы): Художественный текст и контекст реальности. М., 1977. С. 44.

⁶ См.: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 122–132; Борев Ю. Б. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 47–66; Шкуратов В. А. Историческая психология. М., 1997. С. 52–58; Залевская А. А. Текст и его понимание. Тверь, 2001. С. 11–30, 34–37.

[с. 19]

К исходным посылкам исследования относится также понимание того, что *судебно-следственные материалы по своим формальным признакам являются нарративными (повествовательными) источниками*. Дело в том, что они, по сути, – сборники «историй» (небольших рассказов), описывающих конкретные случаи (казусы). Они сообщают о событиях, которые произошли или могут произойти в реальной жизни. Наконец, их структура подчиняется особой логике, заданной нормами письменной речи⁷.

На протяжении всего исследования должен применяться *принцип системности*: все источники, созданные в определённый период и/или относящиеся к некой социальной общности, можно рассматривать как элементы единой информационной системы; при этом каждый из них тоже предстаёт как относительно автономная система, основные уровни которой – форма и содержание – в свою очередь подразделяются на ряд подсистем.

К формальному уровню текста относятся повествование (речевые конструкции) и видеоряд – графика письма, разбивка текста, изображения и пометы (если они есть).

Уровень содержания представляет собой совокупность значений (т. е. указаний на денотаты – скрывающиеся за знаками объекты), сюжетной структуры (т. е. отношений между денотатами)⁸ и смыслов текста (т. е. концептов⁹ и отношений между ними).

Итак, на мой взгляд, первая стадия исследования должна начинаться сортировкой материалов – выделением в составе конкретного следственного дела «достоверных» («правдоподобных») текстов или текстовых кусков и «недостоверных» («неправдоподобных»).

При такой сортировке целесообразно опираться на *принцип историзма* в его современном – культурно-антропологическом – понимании. Исследователь должен осознавать относительность привычных для него норм и понятий – в том числе таких, как «ложь» и «правда», «психическая норма» и «психопатология». Чтобы понять поступки и слова людей прошлого, нужно попытаться взглянуть на мир их глазами¹⁰. Но в таком случае историк должен доверять своим «собеседникам» (людям, чьи деяния и речи воплотились в источнике) – доверять в том смысле, чтобы в процессе познания использовать мерки и понятия, не привычные для него, т. е. навязанные «родным» для него социумом, но характерные для чужой, изучаемой эпохи (культуры)¹¹.

В связи с этим главными критериями различения «правдоподобных» и «неправдоподобных» материалов логично считать мнения следователей и судей о том, насколько и в каком объёме можно доверять показаниям подследственных и свидетелей по данному делу.

В России XVII–XVIII вв. текстами, заслуживающим доверия, как правило, считались:

1) донос, который был доказан (т. е. его подтвердили свидетели или же – при

отсутствии последних – изветчик стоял на своём до конца даже под пытками и обвиняемый признал свою вину),

2) опровергающие донос показания свидетелей и обвиняемого – в той части, где они совпали,

3) показания обвиняемого, которым в доносе нет соответствия, но которые подтверждены свидетелями и/или самим обвиняемым (даже под пытками).

Не вызывали доверия, судя по всему, следующие тексты:

⁷ См.: Шкуратов В. А. Указ. соч. С. 160–164; Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 12–21.

⁸ См.: Лебедев В. Ю. Очерк теории сакрального перевода. Тверь, 2001. С. 18–19.

⁹ Концепт – это совокупность дополнительных признаков денотата, а именно социокультурных черт, приданных и придаваемых ему волею людей; имеются в виду ассоциации, связанные с денотатом, его символические и метафорические функции, оценочно-эмоциональная окраска и пр. (см.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 278, 618; Залевская А. А. Указ. соч. С. 30–34, 81–91). «Концепты – единицы ментального лексикона – возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причём эта информация может включать как сведения о реальном положении дел в мире, так и сведения о воображаемых мирах и о возможном положении дел в этих мирах. Это сведения о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира» (Лагута (Алёшина) О. Н. Логика и лингвистика. Новосибирск, 2000. С. 32).

¹⁰ «В соответствии с принципом историзма историк должен себе представлять теперь, как это выглядело тогда. Лишь в этом случае можно избежать модернизации прошлого» (Биск И. Я. Размышления о преподавании истории. Тамбов, 1999. С. 17).

¹¹ См.: Шкуратов В. А. Указ. соч. С. 96–108; Библер В. С. Образ простеца и идея личности в культуре средних веков // Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 83; Он же. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991. С. 119–122, 133–134; Кузнецов В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991. С. 143; Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 339–340, 349–350, 361–404.

[с. 20]

1) недоказанный донос (либо свидетели донос опровергли, либо, если таковых не было, изветчик отрёкся от первоначальных показаний, либо он стоял на своём, но обвиняемый своей вины так и не признал),

2) показания обвиняемого, от которых он позже отрёкся и/или которые были опровергнуты свидетелями.

Однако нельзя забывать и о *принципе критичности* – заповеди «Доверяй, но проверяй». Историк должен критически воспринимать те утверждения своих «собеседников», которые несут на себе отпечаток идеологических и социально-политических конфликтов. Кроме того, надо учитывать, что следователь (судья) мог намеренно стремиться «засадить» обвиняемого или представить его окружающим как безумного.

Отношение к обвиняемому как запирающемуся преступнику было весьма распространено в России XVII–XVIII вв. при расследовании политических дел. «...В те времена не существовало презумпции невиновности. Ответчику предстояло самому доказывать свою невиновность, даже в том случае, когда изветчик оказывался бессилён в "доведении" извета... Конечно, у ответчика была возможность представить свидетелей своей невиновности, но анализ политических дел за длительный период

убеждает, что в политическом процессе свидетелями выступали преимущественно люди, представленные извечником, шире – обвинением...»¹²

Бывало тогда и так, что государственный преступник объявлялся сумасшедшим, что, впрочем, не слишком улучшало его положение. Например, П. Хрипунов, разглашавший в 1783–1786 гг., что Пётр III жив, был вначале приговорён к заключению в рабочем или смиренном доме, но вместо этого отправлен в дом умалишённых¹³. Сорока годами ранее указом императрицы Елизаветы был объявлен помешанным в уме И. Дириков – самозванный «сын Петра I», хотя начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков считал его вменяемым¹⁴.

Последний пример показывает, что нельзя полностью доверять людям изучаемой эпохи и в том, что касается квалификации психического состояния обвиняемого или свидетеля. Тогда не было научной психиатрии, поэтому выводы делались в первую очередь по тому, как ведёт себя наблюдаемый индивид в ситуации общения и одиночества: доказательствами сумасшествия были сумбурная, нечленораздельная или несвязная речь, озирание по сторонам, беспричинный смех, крики, драчливость, срывание с себя одежды и т. п. Если же речь и поведение человека внешне подозрений не вызывали, то его могли отнести к нормальным, пусть даже его речи, на наш взгляд, были чистой ахинеей¹⁵.

Тот же А. И. Ушаков и его присные в 1733 г. никак не хотели верить в умопомешательство некоего П. Е. Бармашева, хотя он рассказывал им, что на его голову с неба упала ракета и взорвалась, но он остался невредим, что с ним разговаривали свиньи, окликаая его по имени, и т. п. По мнению следователей, «сумозбродства никакова... признать было не можно, понеже говорил оной Бармашев твёрдо – как видно, что был в совершенной памяти». Лишь после того, как подследственный, будучи в камере, стал постоянно кричать, драться, не выполнять приказы караульных, его признали безумным¹⁶.

Осознание того, что грань между психической «нормой» и «патологией» была размыта даже для наших «собеседников», что их взгляды на этот счёт не совпадают с нашими сегодняшними взглядами, приводит к следующему выводу: показания лиц, которые воспринимались в изучаемое время или воспринимаются нами сейчас как сумасшедшие, отбрасывать заранее или выводить за рамки исследования уже в ходе работы нельзя.

Вторым этапом исследования на микроуровне будет непосредственное извлечение информации из «достоверных» и «недостоверных» текстов, а также её сортировка.

¹² Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 330.

¹³ См.: Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. [М.], 1950. Т. 31. С. 96–97; Кубалов Б. Сибирь и самозванцы: Из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 164.

¹⁴ Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 188.

¹⁵ См.: Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 384–389; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046, ч. 1. Д. 9. Л. 123; Ф. 349. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2 об., 7; Д. 2102. Л. 33 об.; Д. 2239. Л. 3 об.; Оп. 2. Д. 7044. Л. 12, 13 об., 15; Ф. 371. Оп. 1, ч. 1. Д. 3433. Л. 7, 10; Д. 3755. Л. 26 об., 36, 37.

¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367, ч. 1. Л. 31, 39, 47, 49.

Информация извлекается в процессе первичной интерпретации (интерпретации низшего уровня) – в ходе выявления т. н. «непосредственного содержания» текста, иначе говоря, его значений и сюжетной структуры. При этом вполне достаточно применения «традиционных» методов – таких, как описание, анализ, синтез, сравнение, классификация, обобщение и др.

На основе выписок из «достоверных» текстов создаётся компиляция, которую можно назвать «фактологией», а на основе выписок из «недостоверных» текстов – компиляция, которая может быть названа «индивидуальной мифологией».

«Фактология» – это вновь зафиксированная исследователем эксплицитная (явно выраженная в тексте источника) информация конкретного характера, т. е. имеющая «привязку» к определённому лицу (лицам), моменту времени, месту и ситуации. Она отражает историческую реальность в обеих её ипостасях – и объективной, и субъективной.

С точки зрения содержания, «фактологию» можно разделить на две сферы. Первая – это «*мироописание*» (сюда входят сведения о географических объектах, природных явлениях, социальных отношениях, предметах быта, повседневной жизни людей прошлого). Вторая сфера – «*психография*» – включает в себя наглядно проявляемые черты эмоциональной и духовной жизни людей – как на уровне индивидуальных форм (обыденное сознание, мировоззрение), так и на уровне массовидных форм (групповое сознание, общественное сознание, социальная психология).

«Индивидуальная мифология» – это вновь зафиксированные исследователем высказывания изучаемых персонажей, каждое из которых, взятое как нечто цельное и законченное, носит сугубо личностный характер и воспринимается окружающими как ложное измышление, творение фантазии или проявление безумия. Однако эти высказывания обладают определённой ценностью, т. к. по своей форме и содержанию они хотя бы частично образуются из общепринятых заготовок (языковых конструкций, образов, представлений, понятий) и нередко сопрягаются друг с другом по правилам «нормальной» логики.

«Индивидуальная мифология» характеризует лишь субъективный аспект исторической реальности – то, как данный индивид воспринимает окружающий мир и самого себя.

Первая стадия изучения судебно-следственных дел о государственных преступлениях завершается этапом семантического анализа «фактологии» и «индивидуальной мифологии». Ключевым моментом здесь является вторичная интерпретация (интерпретация высшего уровня) – выявление смыслов текста, т. е. хранящейся в нём имплицитной (скрытой) информации.

Подобная процедура требует соблюдения, как минимум, двух принципов. Во-первых, семантическому анализу подвергается не только содержание, но и форма текстовых компиляций, созданных историком на предыдущем этапе.

Во-вторых, надо учитывать, что большинство интересующих нас источников являются продуктами взаимодействия двух сознаний – лиц, облечённых официальной властью, и их подследственных. Если же последние оказываются выходцами из низших слоёв общества, то речь идёт уже о взаимодействии двух культур – «письменной» и «устной». В известной мере можно говорить и так, что взаимодействуют «элитарная» культура и «народная».

Зачем это нужно учитывать? Затем, чтобы адекватно понимать и корректно объяснять поступки и суждения выходцев из «низов» российского общества XVII–XVIII вв.

Отметим, в частности, что для носителей «устной» культуры характерны

легковерие, вера на слово; огромная роль слухов; тотальная ритуальность и символизм; традиционность – ориентация на обычай и вечный порядок, подозрительное отношение к сознательно внедряемым новациям; большая роль предсказаний и гаданий; относительное невнимание к причинно-следственным связям, ходу времени и к истории; установка на жёсткое подчинение индивидуального поведения общепринятым нормам и шаблонам; конкретизация и «одушевление» абстракций; отсутствие понятий «развитие» и «идеал» (в современном их значении); мышление без силлогизмов, познание по принципу аналогии, т. е. как узнавание; превалирование эмоций над рассудком, несдержанность и повышенная внушаемость; глобальная зависимость самооценки от взглядов на индивида со стороны¹⁷.

¹⁷ См.: Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 3–11; Лурия А. Р. Психология как историческая наука // История и психология. М., 1971. С. 52–60; Анцыферова Л. И. К проблеме изучения исторического развития психики // Там же. С. 81–82; Социальная психология: История. Теория. Эмпирические

[с. 22]

Проиллюстрировать разницу между носителями «письменной» и «устной» культур в России XVII–XVIII вв. могут материалы следствия по делу В. Ковешникова, жителя г. Ефремова (1700 г.). В «изветной челобитной» доносчик П. Румынин сообщал: стоя у обедни в церкви, он говорил В. Ковешникову «про помесные свои земельные дачи» и про то, что он и другие помещики «били челом... великому государю... о справке той земле»; и на это Ковешников будто бы ответил: «Вы де били челом о той земле свиньи».

Последняя фраза является фиксацией на бумаге устной речи. При этом заметим, что извет писал не сам доносчик, а по его просьбе «площадной подьячий», т. е. писарь-профессионал. Данную фразу можно понять по-разному: и так, что челобитчиков обругали (на этом толковании настаивал обвиняемый), и так, что они обращались к «свинье», а значит речь идёт об оскорблении царя. Всё дело в том, что отсутствует запятая перед словом «свиньи» и в конце нет восклицательного знака. Но в то время восклицательные знаки ещё не употреблялись, да и запятые ставились редко. Не было и унифицированной грамматики, из-за чего разные, но сходные звуки речи часто обозначались на письме одной и той же буквой.

И вот что характерно. Следователи (носители «письменной культуры»), опрашивая свидетелей, пытались выяснить не то, каким было окончание в ключевом слове по звучанию, а то, на какую букву это слово оканчивалось – на Е или И. Обобщённый же ответ свидетелей (носителей «устной» культуры) был таким: «слышали они такую речь... от ... Василья Ковешникова, а в скончании речи "иже" ль молвил или "ять", того они не знают, потому что люди неграмотные». В итоге извет был признан ложным, а доносчик и «площадной подьячий» подверглись наказанию «батогами»¹⁸.

Применительно к России XVII–XVIII вв. следует сказать следующее. *Форма* следственных материалов – их логическая и визуальная структура в целом, синтаксис, пунктуация, способы передачи прямой и косвенной речи, имеющиеся речевые «лакуны»¹⁹ и т. д. – отражает прежде всего сознание осуществлявших следствие и суд чиновников. Исключения – это случаи, когда изветчик, обвиняемый или свидетель писали свои показания сами.

На уровне *содержания* к продуктам чиновничьего сознания, по всей видимости, нужно отнести косвенную речь подследственных и свидетелей, иностранную лексику и фразеологию, а также русские и церковнославянские слова и обороты сугубо абстрактного характера, не связанные с религиозным культом и практической деятельностью.

Стало быть, о сознании подследственных мы можем судить главным образом по содержанию их прямой речи, по конкретной логике их воспоминаний, требований и аргументации, пусть даже переданных косвенной речью, по направленности их поступков, по «умолчаниям»²⁰ в их показаниях, а также по таким содержательным элементам их речи, которые носят бытовой характер и/или имеют соответствия в текстах фольклора.

Вторичная интерпретация обеспечивается не столько «традиционными» историческими методами, сколько методами герменевтики.

исследования. Л., 1979. С. 60, 200; Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 22–29, 32, 40, 207; Он же. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 96, 103, 113, 135, 144, 151, 205, 215, 294; Клибанов А. И. Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление // История СССР. 1973. № 1. С. 80–82; Мирошниченко П. Я. Представления трудящихся о «правде» и проблема исторического значения классовой борьбы периода кризиса крепостничества // Мат-лы XV сессии Симпозиума по проблемам аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. 2. С. 95, 98; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 14–15; Чёрная Л. А. Проблема человеческой личности в русской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 18–19.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 2565. Л. 54–56, 237, 367–412, 420.

¹⁹ Речевая «лакуна» – это противоречащее нормам грамматики отсутствие в речи (тексте) отдельных языковых единиц и/или конструкций, но это такое отсутствие, которое, по мнению автора, не должно привести реципиента (слушателя, читателя) к неверному восприятию речи (текста), ибо упущенное как бы само собой разумеется и может быть мысленно восстановлено. Подобное возможно лишь в рамках общего для автора и реципиента коммуникативного контекста – при наличии единого фонда представлений и знаний или при условии, что высказывание с «лакуной» дополняется иными сообщениями.

²⁰ «Умолчание» – это сознательное построение речи (текста) таким образом, чтобы отсечь лишнюю (на взгляд автора в данной ситуации) информацию, т. е. оставить часть сведений, в принципе необходимых реципиенту, за пределами сообщения. При этом сообщение выглядит внешне как нечто цельное и законченное. Утаённая информация выявляется лишь путём сопоставления данной речи (текста) с другими высказываниями автора.

[с. 23]

Можно взять на вооружение метод «восполняющего понимания» (М. М. Бахтин), который помогает выявлять и «восполнять» речевые «лакуны» и «умолчания». Они обнаруживаются благодаря авторским «оговоркам»²¹ и тому, что исследователь создаёт идеальную модель произведения, представляющую собой реконструкцию так называемого «первоначального» смысла текста²².

С этим познавательным приёмом тесно связан метод «вчувствования» (В. Дильтей) или «вживания» (М. М. Бахтин). Суть его – в игровом «раздвоении сознания» исследователя, который время от времени мысленно выходит из рамок привычного и смотрит на мир как бы глазами «Чужого» – через призму иного разговорного языка,

иных традиций, обычаев, идеалов и т. п. При этом учёный умозрительно переходит из области «своего» в область «чужого» с вопросами, а возвращается с ответами, которые получает благодаря тому, что отождествляет себя с источником, «одушевляет» его, представляя в образе собеседника, способного реагировать на обращения к нему²³.

Метод «схематической» (В. П. Визгин) или «анфиладной» интерпретации заключается в следующем: реалии, обнаруженные за уже истолкованными знаками, в свою очередь рассматриваются как знаки, требующие «прочтения» и толкования, а когда обнаруживаются их денотаты («реалии 2-го плана»), последние вновь предстают в виде знаков, дешифровка которых выводит исследователя на «реалии 3-го уровня», и всё начинается снова. Такое продвижение «вглубь» текста является одновременно переходом от частного к общему, от представлений и образов – к понятиям и категориям²⁴.

Результаты вторичной интерпретации можно обозначать с помощью термина «концептология». Сюда относятся наблюдения и выводы, которые в дальнейшем сыграют роль «кирпичиков» и «блоков» при реконструкции внутреннего мира изучаемых персонажей на уровне их подсознания – в частности, при реконструкции их менталитета²⁵.

В принципе, «концептология», отражая лишь субъективный аспект исторической реальности, характеризует изучаемых персонажей двояко – и как носителей индивидуальности, и как типичных представителей определённой социокультурной общности. Однако историк в зависимости от целей исследования может ограничиться её рассмотрением под каким-то одним углом зрения.

Вторая стадия изучения судебно-следственных материалов по государственным преступлениям в России XVII–XVIII вв., как уже говорилось, подразумевает выход за рамки отдельных дел, переход на уровень всей совокупности вовлечённых в сферу исследования текстов.

Первым этапом исследования на макроуровне является сопоставление всех «достоверных» и «недостоверных» текстов, извлечённых из разных дел, причём сравнение идёт не только внутри первой и второй категорий текстов, но и между этими категориями.

Результатом этого должно быть решение участи недоказанных доносов – решение вопроса о том, останутся ли они в составе «недостоверных» текстов или же хотя бы частично перейдут в категорию «достоверных».

Недоказанный донос переходит в группу «достоверных», я думаю, в двух случаях:

1) если историк находит новое дело, где в качестве обвиняемого фигурирует уже известное ему лицо и оно сознаётся в преступлениях, за которые ранее находилось под следствием и не понесло наказания из-за недоказанности извета;

2) если речи и/или поступки, подобные или аналогичные тем, о которых говорится в каком-либо недоказанном извете, зафиксированы и в других делах – пусть даже и по этим делам вина обвиняемых не доказана.

Во втором случае «правдоподобным» будет не извет целиком и не утверждение, что конкретный человек (обвиняемый) действительно говорил или делал то, о чём сообщается в доносе, а принципиальная *возможность* подобных речей или поступков. Иначе говоря, «достоверная»

²¹ «Оговорка» – это то, что мысленно привносит в чужую речь (текст) реципиент; это фраза или её часть, которую реципиент воспринимает как нелогичную, неуместную, лишнюю, странную, противоречащую остальному тексту.

²² См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 134–135.

²³ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 58, 135; Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993. С. 15–16, 281, 293.

²⁴ См.: Кузнецов В. Г. Указ. соч. С. 136–137; Мейзерский В. М. Проблема символического интерпретанта в семиотике текста // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 754. С. 3–9.

²⁵ См.: Усенко О. Г. К определению понятия «менталитет» // Российская ментальность: методы и проблемы изучения. М., 1999. С. 29–77.

[с. 24]

информация ограничивается сведениями о мыслительных, речевых и поведенческих инвариантах и стереотипах, присущих членам данной общности.

Взять, например, дело, главным фигурантом которого был старооскольский ямщик И. Муравль, он же Муравейко Кузнец (1628 г.). Будучи пьяным, он пришёл к тюрьме и публично обвинил станичного атамана в нанесённых ему побоях и в прославлении Лжедмитрия II: «тот де Сысой ево, Ивашка Муравля, бил, а взвышает де тот Сысой Рощупкин Ростригу». В царской грамоте по данному делу извет записан так: атаман «говорил про Тушинского вора непригожее слово с повышеньем».

Эта же грамота повелевала провести «сыск» (массовый опрос) о психическом состоянии доносчика. Дело в том, что на следствии он заявил: «Тот де я ден был пьян, и тово де я не упомню, что к тюрьме приходил ли или не приходил и токое слова говорил или не говорил. А как де я изопью, и я де по грехом своим с ума схожу и платья де но себе пьян деру и в воду мечюс. А тое ведоют про меня всем городом, что по грехом своим пьян с ума збражу».

«Сыск» подтвердил, что И. Муравль «во пьяньстве сумазбродит» – «и в реку мечетца, и в лес бегаёт, и платья на себе дерёт». При этом оказалось, что никто не слышал от атамана «непригожих слов», кроме одного человека, правда, «тюремного сидельца». Согласно ему, С. Рощупкин в самом деле бил И. Муравля и при этом говорил: «Да споди де, здоров был государь князь Дмитрий Иванович, я тебе не в версту». Как бы то ни было, ямщик был наказан – за ложный извет его полагалось «бит батоги нещадно»²⁶.

В принципе, мы тоже могли бы полностью отказать в доверии И. Муравлю, если бы не то обстоятельство, что есть и другие дела, возбуждённые по причине публичных упоминаний с позитивной окраской о самозванцах Смутного времени. Судя по всему, ностальгические воспоминания о «царе Дмитрие» были частью массового сознания россиян по крайней мере до середины 1630-х гг.²⁷ В этом свете извет И. Муравля выглядит «правдоподобным».

Итак, если «правдоподобные» тексты всё же получают пополнение из числа доносов, которые до этого считались «недостовверными», то следующим этапом будет корректировка конкретного состава ранее созданных историком компиляций – «индивидуальной мифологии» и «фактологии».

В любом случае исследование на макроуровне будет включать этап комплексной обработки всех «фактологических» и «мифологических» сведений. Для этого помимо «традиционных» методов целесообразно применять и математические – прежде всего контент-анализ²⁸.

Итогом такой обработки в идеале должно стать пополнение «концептологии», уточнение её структуры (чёткое разделение информации о сугубо индивидуальных, неповторимых и массовидных, типичных феноменах, имеющих бессознательную природу) и, наконец, реконструкция базовых структур человеческой психики – на уровне индивида, первичной группы или же общности в целом.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 26. Л. 215–217, 322–329; Д. 32. Л. 10–16 об., 19.

²⁷ См.: Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. С. 12–13 (№ 14), 18 (№ 21), 19 (№ 22), 67 (№ 54), 289 (№ 162), 428 (№ 236); Лукин П. В. Указ. соч. С. 112–117.

²⁸ См.: Хвостова К. В. Контент-анализ в исследованиях по истории культуры // Одиссей: Человек в истории: 1989. М., 1989. С. 136–143; Методы сбора информации в социологических исследованиях. М., 1990. Кн. 2; Основы прикладной социологии. М., 1995.

[с. 25]
